

Привычка этого человека заставлять других писать бумажные отчёты в Союзе, где нормой считались электронные документы, а также делать это в основном ради издевательства, была одной из причин, почему Грета не выносила этого богомола – командира.

— ...Упомянутый ранее новый тип Легиона с этого момента относится к высокоманёвренному классу... И будет называться Фениксом.

Сидя за длинным столом, заваленным бумагами, начальник штаба, казалось, ликовал.

— Вдобавок, разумный Легион массового производства будут называться Гончими... Новый бессмертный тип, покрытый оптическим камуфляжем... и рыбёшка, ставшая разумной. Похоже, нам придётся вновь пересмотреть основу нашей стратегии. Ну что за гемор.

— И ещё у нас теперь есть Легион, строящий человеческие фермы и заполняющий склады скелетами. Наш отдел по сохранению психического здоровья будет теперь очень занят, не так ли?

В ответ на её взгляд, начальник штаба виновато поднял руки.

— Прости-прости, не смотри на меня так. Я ни за что бы не отправил их на эту миссию, знай я об этом с самого начала.

Быть может, они и считались элитой по сравнению с войсками Союза, но «восемьдесят шесть» всё ещё были детьми – и те пятеро, спасённые в самом начале, ясно давали понять, что их разум был в определённой степени хрупок.

Психика человека зависела от ранних воспоминаний жизни, когда к нему проявляли любовь. Поэтому «восемьдесят шесть», у которых отняли семьи, лишили достоинства и отринули их существование ещё до того, как те достигли подросткового возраста, повзрослели без прочной основы. Необходимость выживания на поле боя требовало от них стать сильными и, возможно, они из-за этого и казались заточенными мечами, но в то же время лезвия были чрезвычайно хрупкими.

Грета не сводила стального взгляда с начальника штаба, который повернулся на стуле.

— Ладно, ладно, я понял. Я организую им отпуск. Может, на горячие источники? Не хочешь присоединиться к моему осмотру этого места?

— Это ты так беспечно приглашаешь меня на свидание? Ты головой часом не стукнулся?

Начальник штаба, не сказав ни слова, просто пожал плечами, когда его помощник вытащил из груды бумаг на столе путеводитель по достопримечательностям, а после вышел из кабинета. Смотря вслед уходящему помощнику, начальник штаба вновь заговорил.

— ...Грета. Есть кое-что, что меня уже довольно давно беспокоит.

Тон его голоса стал искренним. Грета взглянула в его чёрные глаза, сверкнувшие мудростью.

— Каким образом... они додумались ассимилировать человеческие нейронные сети?

Грета нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Как машинам, функциональность которых ограничена лишь уничтожением всего живого, пришла идея ассимилировать что-то, а затем истреблять живых так, чтобы они становились их частью?

Когда он упомянул об этом, это действительно показалось странным. Люди размышляли благодаря мозгу и были самыми развитыми существами среди всех млекопитающих. Всему учили в средней школе, но подобное не было какой-то очевидностью, до которой можно было бы прийти самостоятельно. Поговаривали, что в прошлом люди вообще думали, что находящийся в черепе мягкий орган был что-то вроде бесполезного органа, производящего мокроту.

В таком случае, как машины, чьи нейронные сети отличались даже составом, смогли прийти к таким решениям?

— Услышав переданное сообщение капитану Ноузену, я задумался и решил разобраться. Зелен Биркенбаум – создательница Легиона. Гениальный исследователь – она улучшила модель искусственного интеллекта, разработанного в Объединённом королевстве, – модель Марианны, – когда та была выпущена в публичный доступ и в одиночку разработала систему управления Легиона.

— Но я думала, что она не дожила до момента, когда Легион, в разработку которого она вложила сердце и душу, был окончательно доработан. Она ведь скончалась от болезни незадолго до первого выпуска Муравьёв.

— Она не оставила тела после себя.

Лицо Греты застыло от шока.

— ...Что?

— Нет никакого свидетельства о её смерти или же записи о похоронах. Есть, конечно, вероятность, что они были потеряны во время переворота, ещё до того, как правительство было

свергнуто. Но учитывая, что даже её мать не видела останки, дело становится очень странным.

— ...

— Я также получил отчёт от Объединённого королевства насчёт командующего, с которым им пришлось столкнуться. Его название – Безжалостная королева. В большинстве своём командующие машины представляют собой Динозавров, но конкретно этот случай – Муравей. Причём один из первой серии, с ранних этапов войны. И эта модель, насколько нам известно, не должна уже работать.

Для Легиона неповреждённые нейронные сети были ценной наградой. По крайней мере, так было до сих пор. По этой причине пастухи в основном были Динозаврами – наиболее тяжёлые и приспособленные к обороне. Конечно же, были и исключения вроде Морфо и Адмирала, но ещё не было задокументированных случаев использования настолько хрупкой единицы – Муравья.

И это была единственная машина Легиона, разработанная до смерти его создателя.

— И что же, куда она, по-твоему, пропала?

†

— ...Насчет майора Пенроуз...

После собрания людей, ответственных за каждую дивизию в ударной группе, в конференц-зале остались только Лена, Аннет и Шин. Первым заговорившим был Шин.

— Я всё время пытался вспомнить и этим утром, кажется, наконец что-то получилось.

— Потрясающе же! Рада за тебя.

Отложив в сторону терминал, Лена слегка хлопнула в ладоши, тогда как лицо Аннет приняло испуганное выражение осуждённого, ожидающего вердикта суда. Выражение лица Шина, однако, показывало, словно ему было несколько некомфортно.

— Ты была... кем-то больше, чем просто оживлённой девочкой... скорее, ты была маленьким монстром.

«А?»

— Ты брала любую палку и начинала ею размахивать. Ты прыгала в каждую лужу и начинала разбрасывать грязь. Ты ненавидела прятаться, когда мы играли в прятки, но когда водила ты,

то тратила целый день на поиски только для того, чтобы зареветь после окончания игры.

— ...Шин?

— Ты постоянно утверждала, что любишь делать сладости, и давала мне их в большом количестве, но большинство были просто несъедобными. Если так подумать, то это одна из причин, по которой я невзлюбил сладости.

— О, а эта её часть не изменилась и по сей день.

Хотя теперь она могла иногда выдавать что-то вкусное, так что, вероятно, прогресс всё же был.

Или нет.

— Ты ошибалась не в чём-то простом, вроде добавления слишком много сахара или соли. Иногда нужно было всего лишь растопить шоколад, но каким-то образом он у тебя становился фиолетовым. И насколько я слышал, ты заставляла отца пробовать твои поделки, и однажды он свалился в обморок, из-за чего я понятия не имел о том, что мне нужно делать после того, как их ты притаскивала уже мне. А, и ещё...

Говоря это протяжным тоном, который никто бы не ожидал от него, Шин прямо смотрел на Аннет.

— ...Ты об этом, вероятно, не знала, но твоя мама приходила после того, как ты давала мне сладости, забирала их и давала мне то, что сделала уже она. И они были вполне нормальными и вкусными.

— УГХ, неважно!.. Нет, постой, постой. Какого чёрта?!

Аннет вскочила на ноги, уронив при этом на пол устройство, проецирующее электронные документы.

— Я тут сижу и просто слушаю тебя, а ты просто продолжаешь болтать о своём! Ты дрался на палках-мечах и возился в грязи так же, как и я. А когда мы играли в прятки, то ты всегда прятался в совершенно безумных местах – вроде вершины самого высокого дерева в зарослях поблизости! Это было просто ужасно! К тому же я знала о том, что ты плакал, когда твой брат отчитывал тебя позже!

Мгновение паузы, и взгляд Шина чуть дрогнул.

— ...Не припомню этого.

— Лжец, ты замешкался в начале!

Её крик эхом разносился по конференц-залу; пока Аннет тяжело дышала, её плечи поднимались и опускались. Внезапно её лицо исказилось от вспышки эмоций.

— Эй, что за дела? Ты что, специально заговорил об этом? Не мог вспомнить что-либо получше, чёрт бы тебя побрал?!..

То, что Аннет хотела, чтобы он вспомнил, – то, за что она хотела извиниться, – не было таким тривиальным и столь глупым, как эти воспоминания.

— Ничего не могу поделать с этим... Как бы то ни было, мы ведь всегда спорили подобным образом.

— Дурак! — выкрикнув это слово, будто желая вбить его ему в голову, Аннет выбежала из конференц-зала.

Смотря на её уход с обеспокоенным выражением лица, Шин головой указал на выход.

— Не могла бы...

— Да, конечно. Тогда я пойду.

□

К счастью, Аннет ушла не так далеко. Она встала посередине коридорного перекрёстка и облокотилась на стену. На её лице можно было прочесть подавленное настроение.

— ...Всё в порядке. Он не помнит нашу последнюю ссору, — проворчала она, не глядя на приближающуюся Лену. — То, что я не спасла Шина, мучает меня до сих пор, но хотя бы его это не беспокоит. Почему вообще что-то столь бессмысленное осталось у него в воспоминаниях? Но всё нормально... Ему уже не нужно вспоминать. Не на этом этапе.

Даже если бы это означало, что она никогда не сможет извиниться. Даже если они более не вернуться к тому, что было ранее.

— В конечном итоге, я действовала, основываясь на собственных ошибочных представлениях ребёнка. Будто мои отношения с другом детства... Будто тот маленький мир никогда не претерпит изменений. Так что если он вспомнит что-либо ещё, всё нормально, будь это даже что-то бессмысленное.

Аннет искоса посмотрела на Лену.

— К примеру, как я однажды сказала, что мы поженимся, как повзрослеем.

— А?

Лена уставилась на неё, а с её уст слетел странный визг. Аннет внезапно усмехнулась. Лена впервые увидела на её лице это яркое, беззаботное выражение.

— Шучу. Но будь это правдой... Шин всегда был тугодумом, когда речь заходила об этом. К тому же, в том же отряде, что и он, служат уже достаточно долгое время девушки. Его могут выхватить из твоих рук, если не будешь настойчива.

— А-Аннет?!..

Лена начала в панике оглядываться, что в коридоре никого не было, а Аннет дьявольски улыбнулась.

□

— Постарайся изо всех сил.

□

Лена не была глупой, чтобы не понять способ Аннет разорвать давнюю привязанность; это было её прощание с первой любовью юности.

— ...Спасибо, Аннет.

— Не за что. А теперь, марш работать! Тактический командир не может вот так бросать свои войска. Разве ты не послужишь хорошим примером?

Естественно, она также не была слепа, чтобы не заметить попытки Аннет отвести взгляд, словно та просила оставить её одну ненадолго.

— Спасибо... И прости.

□

Быть может, он ждал её возвращения, потому что Шин один сидел в пустом конференц-зале.

Информационный терминал был включён, отображая новости, пока он сидел и что-то писал. Не смотря в её направлении, он обратился к ней: — Нет никаких проблем, если я воспользуюсь этим залом, пока его никто не зарезервировал? Мне нужно написать ещё пару отчётов, а в кабинете достаточно шумно.

— Конечно...

Процессорам предоставили общий кабинет, но так как с ними до этого обращались, как с «беспилотниками», и они не оканчивали школу, у «восемьдесят шесть» не сформировалась привычка тихо сидеть за столом. Вдобавок, они были слишком энергичны. В результате в кабинете было относительно... вернее, очень шумно. Посмотрев же на это с другой стороны, там всегда было весело работать, но он был совершенно не подходящим, если кто-то хотел сосредоточиться на бумажной работе.

— Ну как, привык уже писать отчёты?

— ?

— Возвращаясь в восемьдесят шестой сектор, твои отчёты о битвах и патрулях всегда были в полном беспорядке.

Его Кураторы до Лены никогда не утруждали себя чтением отчётов, и у Шина не было необходимости в патрулях, так что их содержание всегда было наполнено чем-то произвольным и бессмысленным. Слово её заставило его вспомнить об этом, он криво улыбнулся.

— Выбора у меня особо и нет. Полковник Вензель более сурова в подобных вещах.

— Правда? Похоже, мне тоже надо быть более суровой по отношению к тебе.

— ...Пощади, прошу.

Лена ухмыльнулась, услышав недовольство в его голосе. Но затем она решила задать ему волнующий её вопрос. Неужели он?..

— На самом деле ты просто... тактично обошёл с Аннет?

Для того чтобы избавить её от уз – вины. Возможно, он всё вспомнил, но предпочёл упомянуть лишь о тривиальных воспоминаниях...

— Нет.

Но Шин ответил отрицанием.

— Я действительно мало чего помню. Как я и говорил, мы часто ссорились друг с другом, так что, возможно, именно из-за этого ссоры не производили на меня особого впечатления.

Его слова сильно контрастировали с глубиной шрама Аннет, оставленного виной.

— Я пока не могу чётко вспомнить её лицо... Хотя, быть может, у меня просто не было свободного времени после операции, чтобы обдумать всё.

Лена обеспокоенно склонила голову набок.

— ...Уверен, что тебе не нужно подольше отдохнуть? После операции тебе было настолько плохо, что ты пролежал в кровати несколько дней.

Без сомнений, таково было влияние внезапного увеличения количества пастухов массового производства – гончих. Даже если видимых симптомов, например, озноба, не наблюдалось, после операции он несколько дней провёл в основном во сне. Медицинский отряд присматривал за ним, а затем он получил разрешение вернуться к обязанностям, однако...

— Вскоре я привыкну. Со мной было тоже самое, когда я впервые услышал Легион.

— ...

Существовала одна вещь, которую она поняла. В независимости от того, что Шин говорил, будто с ним всё в порядке, ему нельзя было полностью доверять в этом вопросе. У него была привычка изнашивать свой организм... даже не осознавая этого.

Голос новостного репортажа, показываемого на голографическом экране, разорвал тишину, воцарившуюся между ними.

— Мы получили обновление информации об операции по возвращению северных административных секторов Республики.

Взглянув на экран, Шин протянул руку к сенсору, установленному на краю стола. Он хотел либо переключить канал, либо же просто выключить, но Лена остановила его. К сожалению, Отбеливатели продолжили свои деяния ровно до тех пор, пока «восемьдесят шесть» не покинули базу. Критиковать их, похоже, было бессмысленно.

Новости давали чёткое представление о военной ситуации. Текущая линия фронта, какие конкретно сектора были отвоёваны, потери и количество уничтоженных врагов. Также велось обсуждение человеческих образцов, найденных в подzemке Шарите – хотя некоторая истина

была всё-таки скрыта, отчёт был в большинстве своём точным. По крайней мере, они не делали попыток сфальсифицировать текущее положение.

— ...Помимо этого, в сражении за вокзал Шарите участвовала ударная группа «восемьдесят шесть», состоящая из детей-солдат, которых приютили из бывшей Республики Сан-Магнолии. Так называемые «восемьдесят шесть»...

Лена приятно удивилась тому, что новости показывали такие подробности. Говорили не только о достижениях, но и о людях, которые получили их. Республика никогда не делала этого. Вероятно, именно так должно всё происходить...

Репортаж продолжился и началось объяснения касательно «восемьдесят шесть». Там говорилось о пяти солдат, что были ещё детьми, спасённых на западном фронте. О ужасных гонениях со стороны их родины. О том, что после падения Республики бесчисленное количество других детей попали в такие же условия.

А затем речь зашла о том, как эти дети взяли на себя задачу спасти их бывшую родину. О том, что это произошло по их собственной воле.

— ...А?

О том, что они поклялись в верности своей новой стране во имя благородного милосердия. О том, как эти героини-солдаты, будучи ещё детьми, отдавали тела за справедливость Союза и за спасения родины, что терзала их.

— Что?..

История была наполнена трагичностью, возвышенностью и безукоризненностью. Печальная, но в то же время миленькая сказка, заставившая любого пролить слёзы, разгневаться и задрожать от чувства восхищения. История, призванная вызывать изысканную симпатию, в которой можно утонуть; её подавали со слезами, а украшали эмоциями.

— Ч-что это такое?.. Что всё это значит?..

Наверняка она могла сказать лишь одно – такого отношения ни Шин, сидящий прямо перед ней, ни Райден, Сео, Крена, Анжу, Шиден или кто-либо ещё из «восемьдесят шесть», которых она знала, не жаждали.

Обращение к ним, как к несчастным детям, было тем, что эти гордые люди больше всего ненавидели!..

Однако в противовес возмущению Лены, Шин безразлично хмыкнул.

— Подобные передачи ведутся ещё с крупномасштабного наступления. Они относятся к нам так, словно мы заслужили милосердия, с того самого дня, как они спасли нас, а с ухудшением военной обстановки это только усиливалось... Если они будут жалеть нас и ощущать праведный гнев по отношению к Республике за ее поступки, то они просто будут чувствовать себя превосходящими и более справедливыми. И дело лишь в этом.

Союз с трудом понимал, насколько эта ситуация похожа на ту, что произошла одиннадцать лет назад. Потерпев сокрушительное поражение от Легиона, граждане Республики смотрели на «восемьдесят шесть», как на выход из-за своей неудачи. Они просто поменяли одну форму дискриминации на другую.

Он взглянул на Лену, трясущуюся от гнева, вопросительно наклонив голову, словно невинный монстр – прямо как тогда, когда они прогуливались по улицам Либерте-эт-Эгалите.

— ...Неужели здесь есть что-то, из-за чего можно было бы разозлиться?

— Разумеется! Ты не сражался лишь ради того, чтобы снизу тебя подпирали какой-то трагичной историей! Чтобы на тебя смотрели свысока, как на несчастного ребёнка! Разве не так?..

Потеряв все силы, Лена опустила голову. Всё было так, словно...

— Разве ты ничего не чувствуешь?.. Разве ты не расстроен из-за отношения к тебе в том месте, где тебя спасли?

— ...Не то чтобы.

Его голос, казалось, был наполнен истинной безразличностью. Она также подумала, что он может посчитать её раздражающей из-за того, что слишком много заикливается на этом.

— Неприятно – да, признаю, но после всего произошедшего жалость и презрения для нас одинаковы... Разве я не говорил об этом? Союз – не утопия. Эта страна, состоящая из людей, точно также, как и Республика.

Его губы расплылись в чёрстой улыбке. Одинокая, покорная и по какой-то причине облегчённая.

— Люди одинаковы везде, независимо от того, куда пойдёшь. И с этим ничего нельзя сделать.

Эта перекошенная улыбка... пылала холодной яростью и презрения. Те же эмоции у «восемьдесят шесть» в восемьдесят шестом секторе были направлены на белых свиней.

— Шин... этот мир прекрасен?

Услышав этот внезапный вопрос, его выражение лица приняло озадаченный вид.

— О чём...

— Этот мир добр? Это хорошее место?.. А что насчёт людей? Они прекрасны? Добры? Они хорошие?

Его стройное лицо, изначально демонстрирующее замешательство, постепенно отбрасывало все эмоции, пока Лена продолжала осыпать его вопросами. Совершенно не обращая на это внимание, она продолжала.

— Этот мир... Люди... Ты можешь научиться любить их?

Ответа не было.

— Понятно... Нет, теперь всё встало на свои места.

Мир для них не был прекрасным. Нет, быть может, он и был, но уж точно не добрым. Люди не были добрыми или же хорошими. Они определённо не были прекрасными. Ограничивалось это не только Республикой. Подобное было верно и для Союза... Для всех людей. «Восемьдесят шесть» практически полностью отrekliсь от человеческого мира, считая его жестоким и убогим... и, прежде всего, безнадёжным.

— Не то чтобы ты не мог вспомнить своё детство. Ты просто не желаешь вспоминать. Так ты будешь продолжать думать, что тех вещей, которые у тебя отняли, просто изначально не существовало. Так ты будешь продолжать верить в то, что все люди достойны презрения.

«Восемьдесят шесть» были подвергнуты жестоким гонениям – они были выброшены на смертельное поле боя, а в процессе от них было отколото слишком многое. Их семьи, имена, свобода, достоинство. Но по мере заточки лезвия злобы, что слой за слоем стачивался, они также отбросили своё прошлое ради сохранения своей гордости. Они должны были стереть привязанность, доброту, теплоту, радость и воспоминания о людях, которые давали им всё это.

Если бы они вспомнили обо всём, то стали бы ненавидеть.

То, как они потеряли радость. То, что изначально люди были хорошими. То, что это была истинная форма человечества... Они возненавидят мир перед их глазами, потому что в нём ничего из этого не было. Возненавидят и в конечном итоге станут такими же презренными, как и весь остальной мир. Они опустятся до ненависти к угнетателям, потеряв свою последнюю гордость, считая при этом, что такова истинная природа каждого человека.

И тех нескольких добрых людей, которых они повстречают на своём пути – тех, кто будет протягивать им руку помощи, они окрестят исключением из правил, что пытались защитить мир и людей от отчаяния.

Вот почему они ничего не чувствовали. Никакого презрения. Никакой пощады. Ни к людям, ни к миру. У них не было более надежд на добрую волю или справедливость. Не принимая даже лучик надежды...

Шин до этого дня всё ещё не мог ответить на её вопрос о том, что бы он хотел сделать. Он всего лишь отражал желания Лены. Он не мог сказать, что он хочет для себя. Он лишь сделал вид, что пытается вспомнить. Но он никогда и не пытался взглянуть в лицо своему прошлому.

— Ты... Вы все, быть может, и вышли за пределы восемьдесят шестого сектора. Но на самом деле вы заперты в нём. Вы всё ещё находитесь в плену у Республики. Из-за нас... белых свиней.

Они забывали обо всём, чтобы не возненавидеть других.

Они должны были всё отбросить, чтобы защитить свою гордость.

И это касается даже ощущения от того, что они у них отняли что-то ценное.

По этой причине Шин и остальные «восемьдесят шесть» оставались такими же, как в восемьдесят шестом секторе. Цепляясь за последние крупницы гордости, они никогда не оглядывались назад на то, что им пришлось отбросить ради неё. Прямо как в случае, когда они мчались по полю боя навстречу своей смерти, запечатанные людской злобой... по восемьдесят шестому сектору, где весь мир был их врагом. Не имея счастья прошлого, на которое можно было бы оглянуться, они не могли представить себе счастье в будущем.

Они выжили и обрели свободу. Но теперь им предстояло отбросить силу для того, чтобы представить себе счастье, что их может ждать впереди. Отбросить силу просто для того, чтобы пожелать этого.

Шин смотрел на Лену молча и без эмоций. Её слова, скорее всего, никак не находили в нём отклика. Тень какой-то хищной птицы отобразилась в окне. Тень её крыльев попала в зал, словно демонстрируя пропасть между ними.

Она думала, что стоит на том же поле боя, что и они. Что она наконец догнала их и будет сражаться на одной с ними стороне. Но это было не так. Они, возможно, будут участвовать в одних и тех же сражениях на том же поле боя... Но она видела этот мир иначе – её виденье кардинально отличалось от их собственного восприятия.

«Я – гражданка Республики. Стороны, которая обокрала их и общипывала. Поэтому говорить нечто подобное, возможно, будет ужасно высокомерным. Но несмотря на это...»

— И из-за этого мне... очень грустно.

Одинокая слеза скатилась по её мягкой белой щеке.

□

□

Республика - враг.

Оставленные деяниями Республики шрамы у «восемьдесят шесть», укоренившееся отчаяние, обращённое к этому миру. Для меня - и, скорее всего, для них - всё это является самым злейшим врагом.

— Владилена Миризе, «Мемуары»

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1340471>